

Этот гротескный образ, на создание которого Лажечников не пожалел самых ядовитых красок, — злая и злобная пародия на Н. А. Полевого. Тесно связанный с «Московским телеграфом» (1825—1834), редактором и издателем которого был Н. А. Полевой, И. И. Лажечников хорошо знал того, чей реальный облик получил столь резко недоброжелательное и искаженное отражение в нарисованном им портрете.

При том, что некоторые из отмеченных выше характеристик Бартоломея заведомо вымышлены, а другие представляют реальные признаки прообраза в извращенном до неузнаваемости виде, в соответствии с законами поэтики гротескового кривозеркалья, есть еще и третьи, обеспечивающие безошибочное опознание оригинала — цели и мишени, в которую метил автор. Так, Бартоломею — «сорок с походом», и Н. А. Полевому (1796—1846) в 1838 г. сорок два года; Бартоломей прибыл в Москву из Липецка (Лейпцига), как Н. А. Полевой в Москву из Курска; Бартоломей — немец, и Н. А. Полевой из трех европейских языковых культур ориентирован прежде всего на немецкую (ср. его «Эмму», повесть из немецкой жизни; «Блаженство безумия» и др.); Бартоломей — страстный собиратель русских народных песен, а Н. А. Полевой, как он сам себя называет, — «сочинитель русских былей и небылиц»; Бартоломей намеревается издать собранные им песни и уже подготовил для этого будущего издания «целый том предисловия», а Н. А. Полевой — известный издатель и автор романа с поразившим современников предисловием длиной в 10 страниц...

Обращает на себя внимание и то, что, представляя своего героя как переводчика великого государя, Лажечников постоянно называет его «книгопечатником», хотя сам же отмечает, что единственной продукцией его печатного станка были устные сплетни. Для других персонажей романа он также всегда переводчик, да и сам он, говоря о себе, называет себя переводчиком. Обращаясь к послу Фридриха III, барону Эренштейну («рыцарь Поппелю»), он восклицает: «Без хвастовства сказать, высокомогущественнейший посол, мне стоит только намекнуть, уж во всех концах города кричат: быть посему! дворской переводчик это сказал. О, Русь меня знает, и я знаю Русь!»

Фраза о Руси — последняя точка в удостоверении личности Николая Алексеевича Полевого, стоящего за Бартоломеем. Она же — кульминационная вершина, то, что называется *pointe*, этого художественного образа. Проговорив ее, Бартоломей неизбежно исчерпывает свое романное существование и сходит со сцены, терпя полное и сокрушительное поражение.

С формальной стороны эта фраза — последний вариант обсуждаемой здесь формулы (осталось лишь изменить порядок частей) на пути к тому завершённому, каноническому ее виду, который она получит, как уже говорилось, двумя годами позднее, под пером В. Г. Белинского в 1840 г.

Но этот вариант исключительно важен не только тем, что он последний. Именно здесь, в романе Лажечникова, в целостном контексте художественного образа фраза о Руси напитывается таким ядом сарказма, получает такую экспрессивную силу, которых она не имела и не могла иметь на предшествующих этапах ее развития.

Используемая в журнальной полемике 1832—1838 гг., она, как бумеранг, постоянно возвращалась к тому, кто подготовил ее рождение, сказав о себе то, что в значительной мере соответствовало действительности, но сказав так, как не должен был, как не имел права говорить о себе, как о нем могли и имели право сказать только другие. Многократно адресуемая непосредственно самому Полевому, она упрекала в повышенном самомнении и иронизировала над нескромностью. Под пером Лажечникова, пройдя через образ полнейшего ничтожества, она получила силу издеваться над самонадеянностью, язвить хвастливо-невежество, бичевать наглость. Именно такой и получил ее Достоевский.